

Тепло, которое не отпускает

Александр Абросимов

Александр Абросимов

Тепло, которое не отпускает

«Автор»

2026

Абросимов А.

Тепло, которое не отпускает / А. Абросимов — «Автор», 2026

Мария привыкла держаться ровно: работа, бытовые дела, чужие ожидания - и внутри тишина, где живёт страх снова оказаться "не нужной". Артём умеет чинить моторы, но не умеет просить о поддержке: усталость копится молча, и однажды он снова закрывается, как дверь на ключ. В приморском посёлке Солнечный Мыс их встречает воздух, пахнувший солью и выпечкой, и вдруг становится невозможно врать себе. Между чаем на кухне и разговорами, которые ломают привычное молчание, рождается нежность - такая, которая не требует идеальности. Это история о том, как любовь лечит не "чудом", а честностью, теплом и выбором друг друга снова и снова.

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. "Туман показывает лишнее"	5
Глава 1. «Чай, который спасает разговор»	7
Глава 2. «Стук в дверь вместо отчаяния»	10
Глава 3. «Слова, которые не помещаются в голос»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Абросимов

Тепло, которое не отпускает

Пролог. "Туман показывает лишнее"

В Солнечном Мысе туман появлялся как привычка: плавный, вязкий, будто кто-то мягко отодвигал день подальше. С утра пахло солью и водорослями, на мокром асфальте тускло блестели фонари, а голоса прохожих звучали тише, чем обычно. Марии нравилось это замедление, но сегодня туман был не про красоту.

Она стояла за прилавком: приём заказов, упаковки, сверка бумажек, быстрые просьбы "буквально на минутку". Лицо держалось ровно, слова прицельно, а внутри, за улыбкой, уже звенела усталость. Особенно когда взгляд цеплял лишнее.

Мастерская Артёма место тёплое по ощущениям: масло, металл, спокойный гул работы. Обычно она заходила туда ненадолго. Но сегодня тишина внутри была слишком настороженной. Артём появился в проходе в куртке, собранный, с рукавами, как будто спорил с погодой и устал проигрывать.

Привет, сказал он и сразу замолчал.

Мария заметила: напряжение у него под линией губ не "от вчера". Оно копилось, копилось, а теперь наконец дало трещину не драмой, а просто усталостью, которую нельзя отмахнуть душем и чаем. Он кивнул на её "поздно" слишком резко и отвернулся к инструментам, будто там было безопаснее.

Она не спорила. Положила на край стола маленький пакетик чая тот самый, который Варвара, когда-то вручила с улыбкой: "пей, не живи на нерве". Артём посмотрел на пакет и сказал:

Спасибо.

Но слово прозвучало осторожно: как будто он боялся принять заботу и тут же получить за неё "долг". Мария увидела, как он машинально проводит большим пальцем по дереву столешницы отработавшее привычное напряжение движением.

Я вижу, что ты устал, тихо произнесла она.

Не надо, ответил он почти сразу.

Не надо жалости, не надо жалоб, не надо, чтобы его "спасали". Мария кивнула, но не отступила взглядом.

Я не жалею заранее. Я просто рядом.

Несколько секунд он молчал, затем выдохнул ровно, без оправданий:

Я сегодня... не справляюсь.

Ветер ударил в стекло. Тикали часы. И Мария поняла: туман действительно подсвечивает правду и прятать её больше нечем. Она поставила две чашки на стол, не делая лишних жестов, а Артём медленно опустил плечи, словно наконец разрешил себе быть человеком.

Тогда... посиди, попросил он.

Она села напротив, согрела ладони о чашку и не потребовала объяснений. Просто позволила ему дышать рядом. Когда Артём тихо сказал "спасибо" ещё раз в этот раз без сухости стало ясно: сегодня дверь, которую он держал на замке, приоткрылась хотя бы на ночь.

Глава 1. «Чай, который спасает разговор»

Мария словно вынырнула из небытия в сизый, пахнувший озоном полумрак тело двигалось по мышечной памяти, пока сознание плелось где-то позади, спотыкаясь о гулкую пустоту коридоров. Ей отчаянно хотелось обратно: к спасительной рутине стопок документов, ритмичному гулу кулера и предсказуемому миру офисных стен. Но стоило заметить Артёма у верстака, как солнечное сплетение стянуло ледяным узлом: знакомая желваковая складка у рта, взгляд, намеренно расфокусированный, чтобы никого не впускать за периметр зрачков, и эта его вечная броня из пары сухих слов «не надо». Не от черствости. От животного, первобытного страха снова провалиться в свою раковину, раствориться в холодном металле инструментов и коротких, безжизненных фразах.

В тесной прихожей она замерла, перебирая варианты так, словно подбирала тональность для сложного разговора, а не заваривала напиток: дешёвый пакетированный мусор, терпкий крупнолистовой с горных склонов, липовый мёд или просто крутой кипяток. Выбор пал на честную простоту: старый стальной термос, две тяжёлые керамические кружки с растрескавшейся глазурью, стопку салфеток. И лимон толстую дольку, брызжущую эфирными маслами. Варвара всегда клала лимон. Кислая нота здесь служила балансиrom: она отрезвляла рецепторы, не давая заботе превратиться в приторный сироп фальши и жалости.

Пространство встретило её густым коктейлем запахов: едкой солянки, холодной окалины, старой смазки и тёплой, слежавшейся пыли, которая впитывала чужие выдохи годами. За окном туман цеплялся за стёкла ватными щупальцами, но здесь, среди станков, было удивительно обжито стены мастерских умеют держать тепло лучше любых батарей. Артём стоял спиной, нависнув над чертежом; он не сразу заметил присутствие Марии. Сначала его зрачки сузились, фокусируясь на резьбе винта, потом скользнули по разводному ключу, и лишь спустя долгую секунду он медленно поднял голову.

Ты... начал он, но фраза осыпалась трухой, застряла на зубах. Это был даже не вопрос, а скорее проверка связи: можно ли сейчас нарушать вакуум звуком?

Мария позволила себе улыбку мягкую, лишённую дежурного оптимизма медсестры или навязчивого сочувствия психолога.

Я принесла чай. Просто... чтобы не успел заledenеть.

Голос прозвучал ровно, почти буднично, хотя пульс отбивал чечётку где-то под кадыком, выдавая напряжение. Её жест не был крикливым призывом «спасайся, я рядом», это было тихое разрешение остаться: разрешаю тебе немного тепла, разрешаю не прятаться за маской функции ещё пару минут.

Артём принял протянутый термос двумя руками, бережно, словно держал не горячую сталь, а живую птицу со сломанным крылом. Короткое «спасибо» сорвалось с губ механически. Мария знала цену этому слову: оно всегда лежало у него на языке, готовое, но никогда не согретое изнутри настоящим чувством.

Спасибо.

Сухо. Почти официально. Затем его взгляд метнулся вбок, ища опору в тени стеллажей эмоции требовали темноты, где их никто не потревожит. Плечи ушли вверх, к самым ушам отработанный до рефлекса панцирь. Он выстраивал стену загодя, пресекая любые попытки копнуть глубже. Никаких «давай поговорим об этом», никаких попыток препарировать боль скальпелем логики. Ему была невыносима сама идея чужой жалости. Поддержку он умел только терпеть, сжимая зубы, но не принимать.

Я не лезу в душу, мягко уточнила Мария, ставя сумку на ящик. Просто поставлю тут. Посиди со мной минуту.

Это «посиди» звучало интимнее любого признания в любви деликатное приглашение к близости без права собственности. Она сознательно избегала маркеров уязвимости вроде «мне важно» или «ты должен мне открыться», превращая сцену в допрос благодарности.

Артём молчал. Слышно было только, как снаружи ветер лениво гоняет сухую ветку по гравию. Затем он, будто преодолев невидимую вязкость воздуха, кивнул в сторону закутка с плиткой. Поставил кружки. Разливал кипяток осторожно, чтобы пар не ударил в лицо. Жидкость глухо плеснула о дно. Когда горячая керамика оказалась в ладонях Марии, Артём шумно втянул воздух носом и медленно выпустил его сквозь стиснутые зубы, скидывая килограммовую гирию напряжения.

Сегодня... он запнулся, слова вязли, как подошвы в мокром песке. Сегодня фанера пустая. Звук уходит в никуда.

Мария вскинула брови. В этой метафоре не было ни жалобы на акустику, ни сетований на усталость дельтовидных мышц. Там жила звенящая эхолалия одиночества та самая сосущая пустота, что остаётся после бесконечного марафона вежливых улыбок, после сотен раз, когда нужно говорить «всё нормально», пока внутренности сводит судорогой.

У тебя есть полное право, произнесла она полушёпотом, не пытаясь играть в спасателя. Быть бракованным. Справляться криво, косо, через пень колоду.

Он хмыкнул коротко, одним углом рта. Но усмешка не разрядила атмосферу; наоборот, она подсветила, насколько истончился трос, на котором он висел над пропастью.

Я не хочу, чтобы... он снова перекусил фразу пополам. Чтобы ты потом собирала себя по осколкам.

Звучало не как драма, а как протокол безопасности: оттолкнуть первым, чтобы не рухнуть вместе; сбежать раньше, чем выставят счёт за близость. Его ужасала не боль утраты. Его парализовал страх перед будущим, где нежность станет ипотекой, которую нужно выплачивать ежедневно хорошим поведением, а объятия сделкой с обязательствами.

Мария не стала бить себя в грудь, сыпать гарантиями вечности или спорить с его травмами.

Я не выписываю векселей, сказала она тихо, глядя прямо в его переносицу. И коллекторами не работаю. С тобой можно дышать иначе.

Артём смотрел так, словно эти слова пробили дыру в свинцовой броне. Кадык судорожно дернулся вверх-вниз; он отвернулся к стене, делая вид, что изучает трещину в штукатурке, но ноги не сделали ни шагу прочь. Остался стоять, грея пальцы о толстый фаянс, хотя температура в помещении давно перевалила за комфортную. Ему нужен был физический якорь хоть какой-то вес в руках, кроме собственной тяжести.

Мария чуть подвинула свою чашку по столу буквально на ширину пальца. Микродвижение, не вторжение. Только предложение разделить периметр.

Выговорись, попросила она ещё тише. Без речей для присяжных. Без оправданий формата «так вышло».

И тогда плотина дала течь просто, буднично, без театрального придыхания.

Меня тошнит от тишины, произнёс он. Устал имитировать фасад. Устал делать вид, будто слово «нормально» способно удержать перекрытия от обрушения.

В этих словах не было просьбы вытащить его из депрессии. В них было выдано временное гражданство эмоциям робкое, визовое. Мария почувствовала, как грудную клетку заливают расплавленным воском нежности горячей, неукротимой и потому страшной. Ей хотелось сгрести его в охапку, укутать, спрятать, но вместо этого она лишь опустила веки, чтобы не спугнуть этот редкий, дикий момент откровенности своим взглядом.

Тогда дыши здесь, прошептала она. Здесь фильтры не нужны.

Артём развернулся всем корпусом. Его глаза оказались слишком близко серые, влажные, почти осязаемые. В них плескались испуг и долгожданное облегчение человека, который

забыл, как выглядит любовь без ценника, договора аренды сердца и требования быть нестигаемым титаном.

Он кончиками пальцев коснулся манжеты её фланелевой рубашки едва уловимое касание, тест на реальность. Не хватал, не тянул на себя, не клеймил собственностью. Скорее спрашивал всей дрожью кисти: «Ты настоящая? Ты не испугаешься моей пустоты? Ты не исчезнешь, если я моргну?»

Мария осталась неподвижной. Позволила ему убедиться в плотности ткани и тепле кожи под ней.

Тогда Артём снова медленно, с присвистом выпустил воздух сквозь стиснутые зубы звук вышел похожим на спускающуюся шину. Так выпускают газ из баллона, давление которого грозило разорвать металл.

Ты меня... заземляешь, выдохнул он.

Не «спасаешь». Не «исцеляешь». Именно «заземляешь». Слово анкер, превращающее хаос статического электричества в ток. Не обещание светлого будущего, не розовая таблетка от тоски. Простое физическое действие. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Глава 2. «Стук в дверь вместо отчаяния»

Вечер в Солнечном Мысе обычно не торопился. Он оседал на стёклах густой патокой, глушил уличный гул за туманными силуэтами и дарил иллюзию бесконечного запаса времени. Мария жила именно этой иллюзией пока тишину не распорол звонок.

Он не был протяжным или церемонным. Это был короткий, рубленый сигнал словно Артём ударил по кнопке и тут же отдернул палец, сожалея о собственной дерзости. Затем повисла пауза. Тяжёлая, вязкая. Потом трель повторилась уже тише, почти извиняясь за своё существование.

Мария замерла на полушаге, машинально вытерла ладони о вафельное полотенце и пошла открывать. Ей не требовалось гадать: она узнавала его манеру молчать даже сквозь дерево.

Артём стоял в проёме чуть сбоку, будто специально экономил чужое пространство, не позволяя себе занять его целиком. Пальцами он нервно перекатывал какую-то металлическую мелочь коробок из-под крепежа, витую пружинку, латунную шайбу. Любой повод назвать свою уязвимость «неважной». Лицо выглядело собранным, но взгляд выдавал трещину.

Привет... голос прозвучал с хрипотцой, слова давались ему физически тяжело. Можно... буквально на минуту?

Мария молча отступила, пропуская его внутрь. Тёплый воздух прихожей мгновенно сделал картинку резче: он пришёл не ради диалога. Ему нужна была конкретика, чёткий алгоритм действий. То, что можно починить инструментами, чтобы потом избежать необходимости смотреть человеку в глаза.

Конечно, ответила она.

Она не успела договорить фразу до конца, как он уже начал сыпать обрубками предложений, боясь каждого лишнего звука:

Там... не стыкуется. Не совпадает плоскость. Я вроде подогнал... но всё равно клинит. Просто... взгляни.

Он протянул деталь открытой ладонью, а затем инстинктивно отступил на полшага назад, словно ожидая удара или осуждения. Мария считала этот микро жест моментально: он строит фасад абсолютной самодостаточности, хотя на самом деле отчаянно нуждается в том, чтобы кто-то снял с него статическое электричество присутствия.

Мария склонилась над столом, действуя быстро и прагматично. Фаланги пальцев нашли причину дефекта почти сразу в микроскопическом зазоре, который всегда ускользает от замыленного взгляда. Она начала объяснять механику процесса: где снять фаску, какой допуск оставить, как не перетянуть резьбовое соединение.

Пока лился её спокойный инструктаж, Артём слушал. Внимательно, напряжённо, впитывая каждое слово. Но как только проблема начала обретать очертания решения, он резко дернулся, испугавшись самой близости темы поддержки.

Благодарю, произнёс он вдруг слишком отчётливо, слишком канцелярски сухо. Дальше я... вытяну сам.

Мария вскинула подбородок.

Остановись, произнесла она ровно, без истерики. Ты ведь сам инициировал осмотр.

Он проглотил ответ. Пауза длилась секунду, но весила тонну. В ней вибрировало всё его внутреннее сопротивление: «не смей», «не приближайся», «я не имею права быть слабым при тебе», «не хочу, чтобы ты разочаровалась во мне».

Я не хочу, чтобы ты..., он снова споткнулся о собственное горло, выдохнув почти беззвучно: сжигала свои ресурсы впустую.

Мария почувствовала, как внутри привычно закипает раздражение. Но это была не злость на мужчину перед ней, а глухая ярость на его железобетонный панцирь. На то, как методично он превращает искреннюю заботу в системную ошибку, а помощь в кабалу.

На языке вертелась колкость. Почти сорвалась. Но периферийное зрение зацепило его кисти побелевшие костяшки, пальцы, намертво вцепившиеся в металл, тело, сжатое в тугую пружину. И Мария сменила тактику. Никаких спасательных операций, никаких платков для слёз, никакого эмоционального донорства.

Только присутствие.

Хорошо, кивнула она. Тогда условия меняются: ты работаешь руками, я просто стою здесь. Если потребуется совет озвучишь.

Он метнул на неё быстрый, ошарашенный взгляд, явно не готовый к тому, что границу можно обойти не штурмом, а дипломатией. И тут же попытался вернуть дистанцию.

Не утруждайся...

Придётся, мягко перебила Мария. Не ради твоего ремонта. Ради того, чтобы тебе не пришлось носить эту плиту давления в одиночку.

Артём снова затих. Но на этот раз не ретировался. Он просто взял нужный инструмент и погрузился в работу точно, выверенно, гипнотизирующе сосредоточенно. Мария осталась стоять в дверном проёме мастерской, балансируя между полумраком коридора и тёплым светом кухонных ламп, рядом, но не вторгаясь.

Спустя четверть часа он шумно выпустил воздух через нос, проверил ход механизма пальцем и коротко кивнул самому себе. Техническая часть закрыта. Повод исчерпан.

Но вместо дежурного «всё штатно» на лице Артёма проступила глубокая усталость, сведённая в жёсткий узел. И он тихо проронил:

Я не планировал...

...просить, закончила за него Мария.

Он медленно опустил веки в знак согласия. И от этого простого движения Марии стало невыносимо горько. Не театрально, не громко пронзительно живо. Потому что суть стала прозрачной: он отказывался не ради собственного комфорта. Он блокировал доступ «чтобы ей было легче дышать». Он пытался управлять чужими эмоциями, лишь бы никто случайно не наступил на большую мозоль.

Мария набрала воздуха в лёгкие, выравнивая тембр.

Ты постоянно пытаешься превратить меня в службу спасения, сказала она тихо, но так, чтобы эхо коснулось стен. И каждый раз бьёшь по рукам, потому что веришь: я умею только «чинить сломанное», а не «быть рядом с целым».

Артём окаменел. Но не огрызнулся. Не стал строить баррикады из оправданий. Он слушал так, как слушают диагноз, который больно слышать, но необходимо знать.

Меня злит эта игра, продолжила Мария уже ровнее. Не потому, что ты монстр. А потому что ты фанатично избегаешь статуса живого человека. Упрямо прячешься за бронёй «я контролирую ситуацию». А потом твой приход сюда звучит как стук отчаяния, которому запрещено говорить вслух.

Он медленно качнул головой, выпуская скопившийся углекислый газ из лёгких.

Я... функционирую иначе. Рефлексы.

Мария смотрела на него, чувствуя, как обида внутри меняет химический состав, кристаллизуясь в решение. Словно сработал предохранитель: «ясно, значит, будем менять прошивку, но курс держим твёрдо».

Значит, будешь калиброваться со мной, отрезала она. Без ампутации чувств. Без автоматического «не надо». Без отталкивания руки, которая уже легла тебе на плечо.

Она плавно развернулась, чтобы забрать с полки оставшийся крепёж, затем вновь зафиксировала зрительный контакт:

Я не стану хирургом. Не буду взваливать тебя на хребет. Но учти: я больше не растворюсь в воздухе, когда станет туго.

Он приоткрыл губы, собираясь выдать очередную порцию благодарности отсечения или вежливого отказа. Но Мария пресекла попытку возвести новую стену.

Я не уйду, произнесла она предельно тихо, без ультиматумов и громких клятв. По-настоящему. Не из чувства долга. Из осознанного выбора координат.

В глазах Артёма что-то дрогнуло, пошло мелкой рябью. Там не было эйфории победителя. Там плескался первобытный ужас пополам с облегчением: он понимал, что теперь механика побега сломана. И это пугало его до дрожи.

А Мария внезапно ощутила собственную гравитацию не в смысле доминирования, а в смысле устойчивости почвы под ногами.

На этом точка, подвела она итог мягко, почти уютно. Теперь твоя очередь заваривать чай. Мне нужно, чтобы ты согрелся присутствием, а не физической нагрузкой.

Артём едва заметно усмехнулся впервые за вечер звук вышел живым, лишённым металлической стружки. Он склонил голову, принимая правила игры: принять участие, а не милостыню.

И тот звонок, начавшийся как робкое «можно минутку», трансформировался во что-то иное: в тихий щелчок замка новой реальности. Без фальшивого героизма, без токсичного спасательства. Зато с честностью и взаимным удержанием равновесия.

Глава 3. «Слова, которые не помещаются в голос»

Рассвет в Солнечном Мысе наступал неспешно, отвоёвывая пространство у сизой дымки. Свет ложился на верстак длинными лезвиями, и где-то за дощатой перегородкой посёлок уже начинал свою механическую жизнь шарканье подошв, кашель моторов, хлопанье калиток. Артём и Мария собирали инсталляцию для праздника: сложные гирлянды из латунных пластин и медные подвесы, которые при малейшем сквозняке отзывались высоким, стеклянным звоном, словно настраивая весь мир на мажорный лад.

Они функционировали параллельно, почти не обмениваясь репликами. В таком режиме дышалось свободнее: когда кисти заняты монотонным трудом, нет нужды калибровать тембр или просчитывать дозировку участия. Мария кроила текстильные ленты по металлической линейке, Артём юстировал кронштейны, выверял углы транспортиром, перепроверял миллиметры штангенциркулем. Он пытался подменить диалог хирургической точностью движений, а эмоциональную близость безупречным ремеслом.

Однако, чем плотнее они сплетали детали в единую конструкцию, тем очевиднее проступала истина: их вакуум тишины был перенаселён. Он гудел от невысказанного. Смысловые конструкции теснились под диафрагмой, давили на рёбра изнутри, но вязли в горле, отказываясь обретать звуковую форму.

Мария поймала себя на том, что синхронизирует его движения не инструмент, скорее внутренний метроном. Подавала шайбу ровно в ту секунду, когда пальцы искали опору, не позволяя ему провалиться в ступор перфекциониста. И вдруг, когда он отложил напильник и сделал вдох слишком протяжный, похожий на всхлип, она произнесла:

Ты сегодня снова дистанцируешься. Выключаешься.

Он метнул на неё мгновенный, колкий взгляд и тут же опустил веки к чертежу, предпочитая коммуницировать с металлом, а не со зрачками.

Так рациональнее, отзывался он глухо.

Мария скривила губы в горькой полуулыбке.

Нет. Это лишь иллюзия безопасности. Потому что грудной клетке плевать на логику ей важно транслировать сигнал вовне.

Артём вновь ушёл в молчание. Ключицы едва заметно дернулись вверх, защитный рефлекс готовности к обороне. Мария знала этот паттерн назубок. Она видела, как инстинктивно срабатывает его механизм герметизации и как титаническим усилием воли он иногда оставляет шлюзы открытыми, если чувствует абсолютную безопасность.

Они вернулись к сборке. Звенела сталь, пахло канифолью и разогретым полимером. Мария уже согнулась над пайкой контактов, когда фраза вырвалась сама непрошенная, обжигающая нёбо:

Мне бывает физически жутко.

Артём окаменел.

Перед чем? спросил он настолько бережно, будто шагал по тонкому льду, боясь разрушить хрупкую акустику момента.

Мария промедлила. Сначала она зафиксировала контакт, обрезала излишек олова, проверила изоляцию. Сделала то, в чём была неуязвима, оттягивая момент капитуляции. А затем всё же выговорила, глядя сквозь дерево столешницы куда-то в пустоту:

Мне страшно... утратить функциональную ценность.

Эта формулировка прозвучала пугающе обнажённо, лишённая эвфемизмов и поэтому обладала колоссальной силой тяжести, которую невозможно аннулировать задним числом или замаскировать сарказмом. Пульс ударил в виски так громко, что на долю секунды захотелось откатить систему: стереть файл признания, вернуть маску профессионализма.

Но Артём не позволил совершить откат.

Он развернулся всем корпусом. Его мимика выражала не претензию и не панику скорее благоговейный шок человека, услышавшего фундаментальный закон физики вместо бытовой жалобы.

Твоя ценность безусловна, произнёс он тихо. Но ты опасешься... эрозии этой константы во времени.

Мария резко выдохнула через нос. Только сейчас нейронная сеть осознала глубину собственного вытеснения: фоновое ожидание того, что эмпатия имеет срок годности, присутствие может стать избыточным ресурсом, а привязанность самоликвидироваться при дефиците энергии.

Да, признала она, снимая напряжение с плеч. Я боюсь статуса взаимозаменяемости. Проектами. Окружением. Ходом часов.

Артём сократил расстояние между ними, но воздержался от тактильности. Сначала он замер в воздухе, сканируя границы допустимого. Проверяя, можно ли сократить дистанцию без риска превратить интимность в кредитную историю обязательств.

У меня дефицит вербализации, наконец сформулировал он, тщательно подбирая слова, как редкие детали. Но я... фиксирую оптикой. Тебя невозможно «про апгрейдить». Твой выбор происходит ежесекундно. Даже в фазе радиомолчания.

Мария почувствовала, как грудную клетку отпускает гидравлический зажим спазм разжался. Облегчение пришло лавиной, но следом потянулся тонкий шлейф фантомной боли: откровенность всегда требует уплаты пошлины. Потому что теперь отрицать наличие экзистенциального ужаса стало невозможным технически.

Лексический запас превышает пропускную способность связей, прошептала она очень тихо, почти извиняясь за собственную уязвимость перед лицом его спокойствия.

Артём едва дёрнул уголком рта в подобии улыбки. И от этого простого, некрасивого человеческого жеста легче не стало «по-старому». Стало выносимо «здесь и сейчас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.